

A woman with dark hair pulled back, looking intensely out of a train window. The window has a black frame and a metal latch. The background outside the window is blurred, showing what appears to be a train platform or tracks. The text "НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ" is visible on the window pane.

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ

Ирина
Горюнова

ПОСМОТРИ В зеркало

Ирина Горюнова

Посмотри в зеркало

«Автор»

2015

Горюнова И. С.

Посмотри в зеркало / И. С. Горюнова — «Автор», 2015

Как и многие, Ульяна ищет свою любовь, но ее постоянно бросает то в одну невероятную историю, то в другую, но найти того самого единственного никак не получается, и девушка уже начинает думать, что живет в постоянном «Дне сурка», где раз за разом с незначительными изменениями проигрывается один и тот же сценарий. Умные, известные, харизматичные мужчины все равно оказываются «не теми» – их души словно тронуты черным ветром трамонтаной, выдувающим из них все человеческое, живое... Где найти выход и как обрести того единственного, которого ищешь?..

© Горюнова И. С., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Пока летят одуванчики...	5
Фаина	13
Зазеркалье	18
День Сурка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Горюнова Посмотри в зеркало

*«Жизнь ползет как змея в траве,
пока мы водим хоровод у фонтана,
сейчас ты в дамках, но что ты запляшешь,
когда из-за гор начнет дуть трамонтана...»*

Борис Гребеничиков

*Вокзал – начало или конец пути из точки А в точку
В
И обратно. В любом городе есть крыши, под
которыми
Прячутся чердаки и птицы, а еще – очумевшие
чудаки,
Совершающие намаз на рассвете. Мохнатое одеяло
зимы
Притворяется пушистым и колет, как
шерстяное, но...
Под ним холодно, как от твоих глаз леденеющих. В
душу
Заползает туман окрестных гор. Я встала или
может,
родилась не с той ноги, руки, головы... Именно
поэтому,
все время попадаю только на промежуточные
станции...*

Ирина Горюнова

Пока летят одуванчики...

Ульяне в очередной раз несказанно подфартило – удалось найти подработку, за которую обещали заплатить (о, удача!) четыре месячных зарплаты, а если справится быстро, то и пять, что при ее не самом высоком окладе в умирающем киножурнале пришлось кстати. Нужно было всего ничего: записывать на диктофон разные истории из жизни довольно известного актера, а потом расшифровать, структурировать, свести воедино, чтобы издательство потом выпустило его книгу. Сначала она чувствовала себя слегка скованно, не зная, как он себя поведет и какой стиль общения выберет (у известных свои причуды), но потом попривыкла, расслабилась и начала получать удовольствие от общения.

Глеб Вартов оказался умным и ироничным собеседником, а кроме того, Ульяне начало казаться, что он обладал некоей силой, не физической, а той непознанной, непонятной, странной и притягательной до дрожи, на которую слетаются все мотыльки. У него в наличии имелось чувство такта, умение замечать обновки женского гардероба, ловить, а при необходимости и трансформировать настроение того, с кем он общался. Актер был на пятнадцать лет старше ее, обладал массивной и несколько тяжеловесной фигурой, крепкими крестьянскими пальцами, а черные волосы и глаза делали его похожим на ворона, выискивающего добычу. Исто-

рии для книги рассказывал просто, с юмором, не стремясь выглядеть «человеком с обложки». Он говорил, что прошлое это воспоминания, картинки, запахи, в которых должно присутствовать настроение, колорит эпохи, ощущение жизни, а не шекспировские трагедии и прилюдно развешанное грязное белье... Прошлое это колыбельная, которую поет мама, это вышитая ею наволочка думки, игрушечный деревянный самолет, собранный с отцом на пару, тайно выкуренная на пару с другом сигарета, смешной и неуклюжий поцелуй на школьном дворе, ночные бдения в театральном училище перед выпускным спектаклем, первый взгляд новорожденного сына в твои глаза...

Она приезжала к Глебу домой, в небольшую трехкомнатную квартирку на Трехпрудном переулке, доставшуюся ему от родителей и сохранившую обветшалый шарм прошлого: старинную мебель, картины, статуэтки, поскольку ее владелец не желал обезличивать, как он говорил, «любимую нору» модным и безвкусным ремонтом.

После записей он поил ее чаем или кофе, и они долго разговаривали обо всем на свете. Ульяну втянуло на его орбиту как маленький обломок метеорита, пылинку, которая обречена на то, чтобы вечно кружить вокруг большого светила. Ей стало не хватать этих разговоров, а на встречу она бежала так, словно стремилась к возлюбленному, хотя между ними не было ничего, кроме наэлектризованного пространства. Он стал раз за разом отвозить Улю домой на машине, чтобы она не ездила в метро, подарил ей четки, полученные от одного монаха в буддийском храме Лхасы, а как-то раз, остановив автомобиль перед ее домом, признался, что его тянет к ней, но если она ничего не чувствует – пусть забудет его слова. Ульяна растерялась и неловко сказала, что видит в нем одного из немногих настоящих, тех, с кем хочется остаться навсегда... Он улыбнулся, прислонился лбом к ее лбу и сказал «До встречи». В тот день они закончили работу над книгой. Глеб должен был позвонить через день, но звонка не было. День, два, три... Она не знала, что и подумать, робко набрала его номер, но мобильный не отвечал. «Наверное, это был элегантный жест прощания», – с горечью подумала Ульяна. Через неделю она узнала, что актер внезапно скончался от инфаркта.

Боль изгрызала ее в клочья. Ульяна ставила перед собой фотографию Глеба и говорила с ним. Рыдала, кричала, что он не имел права вот так бросать ее, что она не хочет нового страшного и незамысловатого в своей жути одиночества.

Она не пошла на похороны. Во-первых, его хоронили в другом городе, во-вторых, хотела помнить его живым, ведь она постоянно ощущала его рядом: то за спиной, то где-то чуть сбоку. Опустевшая и застывшая человеческая оболочка пугала Ульяну некой монументальной безысходностью, а справляющие по ушедшему тризну страшили тускловатостью жестов, вымученностью слез и движений, хаотичностью мелких семенящих шагов, выверенностью направлений от точки А до точки В, от нее до пункта С и так далее... Она вспоминала его хрипловатый смех, кудрявую поросль на груди в вороте полурасстегнутой рубахи, где прятался старинный золотой крест на витой цепи... Вспоминала то касание лба ко лбу, необычную нежность, и давилась слезами. Выбегала на балкон, подставляя опухшее лицо порывам ветра, мрачно возвращалась на кухню, плескала в бокал коньяк, чтобы жгучей жидкостью залить выкручивающую виски боль и успокоить обезумевшее сердце. Стремясь найти хоть какой-то выход, выплеснуть захлебывающееся и переполняющее всю ее сущность горе, Уля начала вести дневник.

Дневник Ульяны

Люблю смотреть, как летят по ветру маленькие парашютики одуванчиков – никто не знает, где они приземлятся, и пока они летят, можно придумать целую историю: я думаю, что пока они летят – продолжается сказка.

Мы познакомились случайно, как знакомятся, наверное, все люди, и все-таки встреча наша была закономерной, потому что сразу, как только ты случайно коснулся моей руки, каждую клетку моего тела пронзило чувство узнавания, а перед глазами поплыли видения иных встреч...

Мы разговаривали как старые знакомые, которым давным-давно просто хорошо рядом, безмолвная, глаза в глаза, беседа – вот он, шепот сердец, нуждающихся друг в друге: слышишь?... Тук-тук... Я помню, первая и единственная ласка – прикосновение твоего лба к моему – оказалась значительнее любых слов или объятий: она-то и останется со мной навсегда, она одна.

В незапамятные времена встретились мы впервые: в тот самый день, когда я собирала шалфей и мяту, чабрец и другие травы, ты, подозвав к себе дикого сокола, о чем-то шептался с ним на гортанном его языке. Сорвался с твоей руки сокол, а ты, странно улыбаясь, спросил меня:

– Вылечишь?

Слизнув каплю крови со смуглой кожи, я приложила лист подорожника и взглянула в твои глаза, ну а потом... потом была ненасытная страсть, страсть, сплавившая нас в единое целое: я знала, наши жизни были лишь ожиданием этого самого мига... Не ведаю, сколько – дней? лет? – отвели нашему свиданию боги: наверное, это было время, пока летят одуванчики... О, если б я могла придумать заклинание, позволившее лететь им вечно!..

Помню запах ароматных масел розы и лотоса, окутывающих мое тело чувственным флером, помню звон золотых и серебряных браслетов – виной тому моя торопливость: видишь, как я бегу к храму? Чувствуешь ли, почему стремлюсь найти там покой и уединение, спрятаться от шумной толпы?... Тяжелый головной убор сдавливает голову золотым обручем: боль тупо стучится в виски...

После того как меня объявили фараоном, я часто говорила с Амоном Ра, небесным отцом – вот и сейчас в смятении прибежала к нему, однако великий бог молчал, не желая выслушивать тайны девчонки, вообразившей себя повелительницей Египта, девчонки, «слишком человечески» попавшейся в сети страстей: конечно, идти на поклон надо к богине Хатор, – о, это ее епархия, вершины блаженства в искусстве любви!..

Цветистые фразы придворных, горы золота, власть – зачем все это, если дерзкий начальник стражи осмеливается ласкать мое тело ночи напролет? О, как буравит он мои глаза своими – как стремится поймать тот единственный миг, который вознесет нас к звездам!.. Что тебе в имени Хатшепсут, коли оно – поднебесная пыль? Что, если много веков спустя никто не вспомнит его?..

«Моя царица, – только и сказал ты, касаясь моего лба, – мы поедем туда, твой храм снова нас примет...» Тогда еще я не знала, что ты не умеешь сдерживать обещаний и уйдешь, не попрощавшись. О, если б я могла, то вызвала бы самых могущественных духов, способных отогнать смерть от твоего ложа!.. Я предложила бы им

любой, абсолютно любой выкуп даже за краткий миг возвращения в То Время, Пока Летят Одуванчики...

А ты опять оставил меня одну (в который уж раз!) – успею ли перехитрить судьбу, вспомню ли, доплету ли узор заклинания, которое подарит нам новую встречу?..

Я не пойду на кладбище не потому, что меня туда не звали, нет-нет: я не пойду туда лишь потому, что знаю – ты не умер. Не нужно картавого карканья ворон, нелепых остовов черных оград, так похожих на тюремные решетки: к чему весь этот антураж, если там, в земле, не ты?.. Похороны – всего лишь дурная шутка! Эй, слышишь?.. Бегу за твоим силуэтом, кричу... но внезапно обернувшийся прохожий показывает чужое лицо и недоуменно улыбается...

Я пытаюсь смеяться и есть мороженое, будто ничего не случилось, а дурное известие – всего лишь ночной кошмар, жестокий розыгрыш...

Ты обещал мне!.. Ты не мог так поступить, слы-шишь?! Не верю!.. Я буду бежать по полю и дуть на все встречные одуванчики, чтобы закружилась метель, которую невозможно остановить, слы-шишь?!.

Я не позволяю себе плакать: слезы – что-то слишком банальное. Плакать можно, если разобьешь коленку или уронишь любимую вазу, если свалится кошка с одиннадцатого этажа или заболит зуб... Но плакать при мысли о том, что тебя больше нет – фальшиво, ведь тогда кто-то обязательно кинется тебя утешать, сочувственно-отчужденно похлопывая по спине и подавая носовой платок... Я не хочу знать, что где-то на земле есть твоя могила, какой-то нелепый холмик земли с фотографией и крестом – символом Бога, в которого ты не верил...

За окном – чернота насупившейся ночи, да шуршание шин редких авто, а еще – широкоформатная панорама «настоящей жизни»: Огни казино и ночных клубов, в которых, притворяясь живыми, играют в людей призраки.

И вдруг я замечаю, что ты, именно ты сидишь передо мной в кресле, и тихо так спрашиваешь:

– Это ты мне написала? – и, не дожидаясь ответа, киваешь утвердительно, – Про меня...

Я смешная, глупая, не в себе
Прикоснусь к закровавившей вдруг губе
Выпью водки, расплачусь сегодня вдруг
Оттого что ты... ты мне просто друг
Время года ночь, время года – мрак
Облака на небе рисуют знак
Бесконечность... Мебиус... в чем подвох?
Бесконечность рук, бесконечность ног
Необъятный наших слепая боль...
Я срубила сук, наврала пароль
Я сегодня все-таки не в себе
Я вчера спустилась с твоих небес.

Я не знала, не знала!
Не понимала, почему написала именно так!..
Ведь ты до сих пор сидишь рядом...

Наждачными взглядами царапают меня окружающие, силясь понять, что же я чувствую на самом деле; мучительно хмурю брови, пытаюсь вспомнить – тщетно! Знаю лишь одно: безусловность любви заключается в том, чтобы давать свободу любимому существу, не привязывать его к себе так, чтобы он бился как птица в силках... Я поняла и приняла это, как мне тогда казалось, всем своим существом, но... разве подозревала я о степени твоей свободы?! Неужто жизнь показалась тебе настолько скучной, что ты поспешил ускользнуть из ее поля без меня?..

И все же я нашла способ остановить время. Беру краски, сажусь за мольберт и рисую...

Летят теперь круглый год парашютики одуванчиков, летят, не приземляясь, а значит, сказка наша вечна...

Ульяна продолжала жить: ходила на работу, встречалась с людьми, писала статьи, иногда улыбалась, но все это проходило словно в тумане, в тягучем и слишком долгом сне, когда знаешь, что надо проснуться, но не получается и ты обреченно ждешь, когда же он схлынет и отпустит свою жертву, насытившись ее дремой. Большую часть времени она подчинялась внутреннему автоматизированному внутреннему механизму, успокаивавшему ее благостно монотонной предсказуемостью. Она вобрала в себя Глеба как губка, впитывающая воду, но не могла выжать его из себя, покорно ожидая, что он будет потихоньку испаряться, пока не исчезнет окончательно в ином пространстве. Казалось немыслимым, что она, Ульяна, может когда-нибудь посмотреть на кого-то еще, позволить себе прикоснуться к другой душе, ведь в ней все так нарушилось, опустело, но болит эта запредельная пустота, неловко ворочается, давит на грудь, приплющивает сердце, застревает в гортани...

А потом он пришел и отругал ее за то, что она позволила себе так распуститься и вместо того, чтобы радоваться тому, что было и идти дальше, вертится, как уж на горячей сковороде... Он не был ласков, только строг. Не прикоснулся, лишь сказал: «Жаль, многого не успел. Сказать тебе, дать, почувствовать... Ты сильной породы, ты можешь, справишься...» Повернулся и пошел по дороге вдаль, постепенно исчезая...

Проснувшись утром, Ульяна ощутила, что в первый раз за долгое время чувствует себя цельной, а не состоящей из множества кое-как прилипанных кое-как друг к другу осколков. Вот комната, озаренная наискосок солнцем, пляшущие в лучах света пылинки, задорно гомонящие за окном птицы... И рана уже не нарывает, не гноится, она уже затянулась, хотя еще дергает розовый только зарубцевавшийся шрам... И моргается наконец от яркого солнечного света, а не от слез...

Она заново училась флиртовать, но сопоставляла всех с Глебом и осознавала, что по сравнению с ним они ничто, мелкие гуппи перед китом и допускать их до себя – значит невыносимо снизить планку. Словно получив в награду за путешествие в потусторонний мир дар прозрения, Уля считывала мысли и желания кавалеров, их изыяны и слабости. Как музыкант не может выносить фальшивых нот, так и она не могла сносить лицемерных слабаков, юлящих перед ее взором и жадно пожевывающих губами в ожидании недолгих телесных игр. Она словно нырнула вслед за Глебом на изнанку вечности, а потом выброшенная оттуда его рукой обратно, разучилась правильно дышать, не могла вернуть прежний фокус зрения.

Дневник Ульяны

Когда бросаешь в воду камень, по воде идут круги. Мне кажется, они меняют озеро и его структуру. Вода принимает камень в себя, но еще она запоминает его форму, силу удара, состояние в котором находился камень в момент удара, цель, с которой он туда был кинут, на какую глубину ушел...

Я всегда буду озером, запоминающим свои камни...

Смертность человека вызывает у меня приступ безбожия, хотя у кого-то это повод к молитвам. Ты не можешь предотвратить несчастье, продезинфицировать пространство, изменить его матрицу, перенастроить программу... И вера, и безверие идут от незнания и от страха перед конечностью бытия. Мне легче думать и верить, что Глеб приходил ко мне, чем говорить себе, что этот сон – защитная реакция пытающегося справиться со стрессом организма. Вера должна быть удобной, как платье, подобранное по фигуре: нужного фасона и размера.

Говорят, что полеты в самолете вредны для организма. Резкий взлет, посадка, пониженное атмосферное давление, обезвоженность организма, нарушение циркуляции крови, смена часовых поясов... Любовь тоже вредна для здоровья, я это знаю на собственном опыте... Я хожу с впрыснутой в вены смертельной дозой яда черной мамбы и безуспешно ищу противоядие.

В одной из командировок в ней ненадолго включился рубильник гормонального притяжения, биологический процесс, стремящийся к воспроизведению себе подобного, но следующим вечером он исчез, когда Ульяна увидела постельного героя, алчно шупающего в закутке дома культуры объемистую молодую девку кустодиевской телесной распушенности, глупо хихикавшую от радости и выпячивавшую промежность навстречу жадным рукам.

Потом случился скрипач, любитель истории инков, захлавивший всю квартиру дешевыми, якобы древними сувенирами. С ним было несложно, но бессмысленно. Уля честно пыталась вызвать в себе каплю нежности, тщательно исследовала его тело, но так и не смогла разглядеть его суть, словно он был более не музыкантом, не практиком, а теоретиком, ведущим внутренние монологи с самим собой и жаждущим только одно – записать их на бумагу, пока они не испарились из памяти. А она, его партнерша, потерявшая координатную ось, не могла найти смыслов, не чувствовала ни внутренней своей структуры, ни внешней – мира и вселенной. Молекулярная биология, химия, анатомия, математический расчет, психология общения и многое другое существовали в параллельном не пересекающемся пространстве, как ни силилась Ульяна изменить это. Но, целенаправленный вынос собственного мозга оказывался куда привычнее, роднее и уютнее. Плюшевые проконьяченные мальчишки и приземистые зрелые дяди в неловких семейных трусах, оттопыривающихся... нет... не этим, а пивным животиком – не рождали позитивных импульсов в Улином мозгу... Она упорно пыталась встроиться обратно.

На одном из круглых столов, посвященных проблемам современной киноиндустрии, Ульяна познакомилась с Дмитрием Караевым, директором одной из московских киностудий. Сто пятнадцать килограмм живого веса при ста семидесяти пяти сантиметрах роста, море обаяния, начинающаяся чуть заметная лысинка на поседевших волосах при его слегка за пятьдесят прожитых годков, дружеско-панибратский напор закрутили ее и начали толкать в некую,

только им видимую сторону. Директор предложил новой знакомой писать статьи в один из глянцевого журналов, познакомил с будущим шефом Аркадием Степановичем и устроил работать к нему в ФКК – Федерацию кино клубов России (журнал, в котором трудилась Уля, к тому времени закрылся), после чего начал намекать на более близкое знакомство. Ульяна тактично и почтительно отнекивалась, ссылаясь на занятость, но все же пообещала встретиться с ним в кофейне. Позвонив ему накануне, узнала, что тот слегка простыл, поэтому перезвонит ей сам через несколько дней, когда подлечится. Через три дня она неожиданно наткнулась в интернете на сообщение о его скоропостижной смерти, шокирующее своей неожиданностью. Да, она не желала переходить определенных границ, но была ему благодарна за его доброту, желание помочь, и его уход стал для Ульяны очередным роковым знаком, подтверждающим сознание обреченности, конечности бытия и бесполезности любых жизненных событий и изменений. За что бороться, кого искать, зачем добиваться должности, положения, известности? Она сходила на церемонию прощания с ним и так горько плакала, что окружающие, принимая ее за любовницу, постоянно подходили и выражали соболезнование. По дороге домой она пару раз вздрагивала, приняв спину одного, а потом другого прохожего за Дмитриеву. Она даже пыталась ускорить шаги и обогнать незнакомцев, но тут же одергивала себя и останавливалась, чтобы перевести дыхание. Нет, она не мучилась, но сожалела, что его изношенное сердце отказалось служить дальше, определив хозяину не самый долгий срок жизни.

Еще одним Улиным знакомцем стал один импозантный и необычный миллионер Марк Ваксберг, уже сильно в осенних летах, но выглядевший лет на двадцать моложе биологического возраста. Он походил на престарелого императора, завоевателя Александра Македонского, а может, на хитрого кардинала, который вот-вот займет трон Папы Римского, или на почтенного итальянского мафиози, главу известного клана... Уля помогла ему написать по его книге сценарий полнометражного фильма, за что кроме финансовых расчетов, он одарил ее вниманием и чем-то похожим на дружбу. Водил в фешенебельные рестораны, дарил огромные охапки цветов, прислал с курьером пару картин вроде как модных художников и иногда звонил посоветоваться по тому или иному вопросу. Видно было, что новая знакомая ему нравится не только как человек, но, во-первых, у него уже была жена возраста внучки, во-вторых, Ульяна сразу определила дистанцию, и тот не стал ее нарушать.

Ее подкупали очаровательная, почти детская улыбка, жесткий и колючий, мгновенно считывающий собеседника взгляд, иногда прорывающийся бандитский говор при безукоризненных манерах и дорогом итальянском костюме. По статусу ему полагался целый штат охранников, но миллионер обходился одним шофером, философски замечая: «Если очень захотят – найдут, как убить, а лишних понтов не люблю». Уля порой жалела о сильной разнице в возрасте, видя в нем редкую сильную породу настоящего мужчины, которых в наши дни встречается так мало... Глеб, Дмитрий, Марк – вот и все, пожалуй. Но она не допустит, чтобы он стал третьим ушедшим. Вдруг это проклятие перекинется и на него только потому, что он возжелал ее?... И Ульяна постепенно прекратила общение с Ваксбергом, оберегая его жизнь от гораздо более неуволимого и предельно точного киллера.

В июне она уехала с тремя подругами в Испанию: погреться на солнышке, отведать паэли и сангрии, побродить по Барселоне, забраться на Монсеррат, посетить маленькие уютные городишки вроде Жироны и Фигейроса и закупить обновок. Поездка удалась и Ульяна вернулась в Москву, обновленная, избавившаяся от заторможенной унылости и обреченности, скинувшая серую шкурку замысловатой скуки. Но буквально на следующий день судьба снова огорошила ее ужасной вестью: погибла одна ее знакомая, погибла страшно, непредсказуемо...

После сообщения о смерти Тамары, Ульяна впала в депрессию, да такую, что и сама испугалась. Она боялась засыпать по ночам (сон – это маленькая смерть), но и днем чувствовала себя уставшей и опустошенной, постоянно срывающейся в рыдания и состояние беспросветной тоски. Смерть в принципе – чудовищная нелепость, несправедливость, жестокость по отноше-

нию к живому существу, а по отношению к Тамаре, тем более. Ее подруга любила жизнь и наслаждалась ею сполна: старалась каждому, кто попадал на ее орбиту, сделать что-то хорошее, много путешествовала, любила читать современную поэзию и прозу, с нетерпением ждала появления внуков... Трагическая гибель Тамары во время путешествия по Португалии (рано утром, когда она шла по тротуару к экскурсионному автобусу, ее сбил на своем автомобиле обдолбанный двадцатилетний юнец), стала для Ульяны катализатором, заставившим пересмотреть собственную жизнь. Ей стало казаться, что вся жизнь проходит в пустых хлопотах и ничемных заботах, ее цели смешны, а достижения мелки и незначительны. Она существует в постоянно повторяющемся Дне Сурка, иногда проваливается в кроличью нору и летит, чтобы потом, приземлившись, бродить по лабиринтам Зазеркалья в поисках выхода. А ей постоянно задают глупые загадки, морочат, увлекают в дурманный и ирреальный мир, головоломки которого не по силам... А Ульяне хочется счастья, семью, детей, близкого человека рядом... Но она не может, не умеет строить отношения, а теперь и та утлая лодчонка, в которой она плывет, тоже того и гляди пойдет ко дну... Если бы Бог был, то не допустил бы подобной чудовищной несправедливости (стоит еще вспомнить Глеба и Дмитрия!), но судя по всему, его нет, а, скорее всего, нет и жизни после того, как брэнное тело перестанет существовать. Жить надо сегодня, здесь и сейчас, полной грудью, может быть, тогда станет не так страшно, перед тем последним порогом, перед последним шагом в вечность, который тебя заставит сделать природа...

Ульяна настолько перепугалась, что стала даже посещать психолога, терпеливо выслушавшего ее и оптимистично назначившего сильнодействующие лекарства. Послушно, четко по графику, строго соблюдая рекомендации, принимала антидепрессанты и вроде слегка отошла, только вот через неделю стала ощущать нехватку кислорода и учащенное сердцебиение. Таблетки мгновенно полетели в мусоропровод, а вместо них на письменном столе появилась бутылка коньяка: пара рюмок на ночь и спокойный сон обеспечен. «Правда, все это ненадолго, но кто знает, что случится потом, вдруг внезапно что-то изменится и расцветит жизнь новыми красками?» – уговаривала она себя.

Она уехала на несколько дней в Прагу, но вместо ожидаемого расслабления поездка принесла еще большее расстройство: Ульяна стала дерганой, злой, неадекватной. Вернувшись, снова принялась за работу, но после нескольких бессонных ночей, одиноких истерик наедине с собой (незачем вмешивать в свои проблемы мать), поняла, что нужно что-то делать, что-то менять, чтобы паранойя, шизофренические видения и мысли не завладели ее существом полностью. Может для кого-то они казались ярмарочными, балаганными страшилками, исполняемыми дешевыми изношенными актерками и потасканными актеришками, но для нее это были демоны, настоящие, хищные, безжалостные...

Фаина

Уля с детства любила касаться рукой отполированного до блеска золотого носа собаки, обреченной вечно встречать поезда, приходящие на эту станцию метрополитена. Не то чтобы она верила в приметы или так уж сильно мечтала о реализации многочисленных желаний, скорее всего, воспринимала это просто как традицию, дань уважения легендам, соблюдение привычного ритуала, нечто неизменное, а потому ценное, как и само слово традиция. Она загадала переживание, необычное приключение, способное вывести из того периода стагнации и состояния окукленности, в каком она находилась уже полтора года после внезапного разрыва с любовником, из которого рухнула на землю и разлетелась на рваные обугленные куски, как самолет не вышедший из пике. А тут еще и смерть Тамары...

Привычное и скучное пространство обыденно демонстрировало ей ежедневную картинку: торопящихся, боящихся опоздать/не успеть/не сделать пассажиров, назвать которых людьми в подобном потоке не поворачивается язык. Человек должен звучать гордо, а эта деловая работающая масса, мясная река из костей, плоти и наружного облачения, струящаяся по социально-природным закономерностям в ту или иную сторону, являла из себя нечто другое, приземленное и быдличее. «Неужели это все, что уготовано? – думала она, с тоской окидывая взглядом толпу, – бежать по традиционной, привычной, протоптанной тропинке, без шанса сойти с нее когда-либо? Нет, не может быть. Только не со мной. Ничего, скоро я уеду в Сочи, дурные мысли смоят морские волны, и все изменится».

Несколько лет подряд ее звали в Сочи на Кинотавр, но она все откладывала – вечно находились более важные дела, неотложные, требующие ее присутствия и участия, другие кинофестивали, но в тот раз она резко, в один миг решила ехать, послав обязательства к черту: всех дел не переделаешь, можно ведь хоть раз поддаться своим желаниям и устроить неделю-другую безмятежной свободы, гедонистического наслаждения, отключив гнусавый внутренний голос, требующий нести ответственность за все происходящее в жизни.

Очутившись в этом приморском городе, она поняла – здесь ей принадлежит все: шумный гомонящий день с многочисленными продавцами стандартных ракушечных сувениров и лотками, полными россыпи дешевых поделок из полудрагоценных камней, с торговцами раками, креветками и пивом, с палатками купальников, шалей и платьев, теплые бархатные ночи с запахом коньяка и взмывающими в черное небо фонариками счастья, уносящими в море горящие огни чьих-то сердец и загаданных желаний, набережная, полная съехавшихся на кинофестиваль с разных концов света актеров и режиссеров ... Принадлежит по-особому, открывая каждый миг существования с искусством и радостью, будто ювелир гранивший алмаз, любоваться которым казалось бы могут все, но это только ее изысканное переживание творца, художника жизни, вызывающее легкую улыбку и такую же легкую радость.

Тем же вечером, бросив нераспакованный чемодан в номере, она отправилась к морю. Прихватила по дороге бутылку шампанского – хотела вина, но без штопора его не открыть. Йодистый водорослевый воздух, медитативно мерный шелест волн, шепот сплетничающей о туристах гальки, медленно скрывающийся за горизонтом пламенеющий солнечный диск и пузырьки шампанского, щекочущие нос... «Эй, блуждающая душа, – словно говорили они, – войди в новое пространство, сбрось свои маски и дежурную форму, пора идти к нам, стать беспечной рыбой, плывущей в глубине, с наслаждением изгибающейся чешуйчатым телом...»

Ей значительно полегчало. Наконец, она смогла спокойно засыпать, без страха и боязни, слез, изматывающих истерик. Морской воздух и купания, длительные прогулки в хорошей компании, хороший коньяк, много, очень много смеха и флирта оставили позади ее внутренний ад.

Отель, забронированный устроителями, оказался довольно приличным, правда Ульяну определили в двухместный номер, предупредив, что могут подселить еще кого-то из прибывших: в гостинице как всегда путаница и неразбериха, а отдельный номер для каждого непомерная роскошь, особенно учитывая не слишком звездный статус участницы... Но и это не могло, по большому счету, испортить ей настроения, легкая тень недовольства тут же осветилась ласковым вечерним солнцем и растаяла, не оставив следа.

На следующий день к Ульяне подселили необычную темноволосую девушку с короткой стрижкой и торчащими во все стороны фиолетовыми перьями, похожую на образ Джиа, сыгранный Анджелиной Джоли в одноименном фильме. Миндалевидной формы зеленые глаза, ямочки на щеках, появляющиеся от ее улыбки, коротко остриженные ногти, которые та любила обкусывать, сосредоточившись на разговоре, казавшемся важным... А еще худощавая фигурка с недоразвитой грудью, на которой хорошо сидит неформальная одежда, тогда как платья недолго болтаются, будто на вешалке, острые жалобные коленки, тонкие запястья с нанизанными в большом количестве браслетами и фенечками...

Ульяне было так хорошо и радостно, что она постаралась оказать соседке ласковый прием: предложила вина, нашла в шкафу чистое постельное белье, лишнее полотенце. Тем не менее, назвавшаяся Фаиной девушка, чудилась несколько странной. В чем заключалась эта странность, Ульяна не понимала, но ясно ее ощущала. Казалось, Фаина похожа на тонко расписанную японскую шкатулку с секретом, открыть которую сразу не получится, и Ульяна присматривалась к ней с интересом, ожидая возможности подобрать ключик, приоткрыть крышку и узнать, что же находится внутри, в душе этого создания, настойчиво демонстрирующего окружающим полную свободу. Ульяна не могла понять, кто эта девушка: критик, актриса, начинающий режиссер, случайно, по знакомству, залетевшая на кинофестиваль особа, далекая от этого мира?..

Имя ее – Фаина, звучало волшебно и напевно, как древняя легенда, оно поблескивало зеленой яшмой, струилось китайским шелком, ускользало змеиными изгибами в расщелины гор.

Внешне она напоминала языческую богиню, дерзкую, непохожую на других, ветреную, таящую неисчислимое количество тайн и загадок. Тонкие веточки рук, незащищенные розовые лепестки губ и ошеломительная улыбка Елены, развязавшей Троянскую войну. Внимание Ули постоянно притягивалось к ней, а любопытство становилось сильнее. Фаина не выглядела сексуальной и манящей, но заключала в себе нечто волнующее, способное вызвать короткое замыкание и яркие, летящие во все стороны искры. Интуитивно Уля понимала, что находиться рядом с таким существом опасно: можно увлечься, начать совершать несвойственные обычно поступки и зайти за разные неведомые ранее грани, преодолеть земную гравитацию и полететь, прекрасно осознавая, что не управляешь полетом, и уж какой будет посадка/приземление лучше вообще не задумываться...

Совместные посиделки с друзьями и новыми знакомыми на берегу моря или в облюбованном кафе на набережной приносили успокоение и чувство освобожденности, гармонизирующее Улю настолько, что ничего иного нельзя было и желать. Фаина часто находилась рядом, казалось, она нуждается в новой знакомой, льнет, тихо воркует на ухо, окутывая паутиной комплиментов, и манит в неизвестные пространства. Она заботливо убирала локон, упавший Ульяне на глаза; видя, что та мерзнет, накидывала ей на плечи свою кофту, а если соседка,

не слишком трезвая, после ночного купания в море забывала сандалии, часы, лифчик – тщательно подбирала их и шла за следом, оберегая, чтобы алкогольный кураж не увел потерявшую контроль девицу в неизвестном направлении.

Иногда Фаина исчезала, стремительно уносилась, проводила время с другими людьми, курсируя иными тропами. Уля беспомощно наблюдала, как она обвивает подобно юркому выюнку одного весьма известного длинноволосого саксофониста, смахивавшего на растрепанного шелудивого пса в репьях и проплешинах, нуждающегося в добром хозяине и хорошем уходе. Создавшаяся ситуация выглядела пошло, и она молчала, сглатывая недоумение и потустороннее бессилие от невидящего, проходящего насквозь надменного взгляда Фаины. Та возвращалась и продолжала играть, мороча голову и Уле, и музыканту, наслаждаясь пикантностью тех или иных моментов. Это выводило из себя, Уля раздражалась и клялась не обращать на нее внимания, но как только принимала это решение, соседка становилась грустной, задумчивой и печальной, – на Улю накатывала материнская жалость и стремление позаботиться об эфемерном существе, поселившемся с ней в одном пространстве.

Кожа Фаины от анемичной бледности перетекла в здоровый золотисто-шоколадный оттенок, а глаза, наоборот, приобретали белесую прозрачность, словно сигнализировали, что зеркало души отражает происходящие в ней непростые процессы. Иногда она отгораживалась сумбурными опиумными видениями, изрыгая невероятные эпические фразы, а потом приходила в себя и смотрела на Ульяну так, словно это та была не в себе, и бедной Фаине пришлось мириться с невразумительным каскадом путаных фраз соседки по комнате. Ее одежда и украшения с руническими узорами, обманывали простотой рисунка и не сбывающимися предсказаниями – руны оказывались перевернутыми и меняли значение на противоположное. Она была из тех женщин, что похожи на шаловливого, естественного, не знающего смущения ребенка. Ее хотелось накормить, потеплее укутать, согреть на ночь теплого молока с медом, поцеловать в лоб... Ее непременно нужно полечить, потому что она ссадила коленку, натерла на мизинчике мозоль, обгорела на солнце и теперь невыносимо страдает... Но иногда, если невзначай бросить взгляд, можно рассмотреть облик горгульи, проступающий сквозь невинную, якобы подростковую оболочку. Игра набирала обороты.

Днем они неожиданно пересекались в самых разных местах: на пляже наблюдали за играющими совсем рядом с берегом дельфинами, в перерывах между кинопоказами пили коньяк в парке, в магазине покупали сигареты, в кафе обедали или ужинали в большой бесшабашной компании... По вечерам забирались в отдаленные места, бродили вдалеке от всеобщего веселья и купались обнаженными в море. Как-то раз Фаина подплыла к Уле, шелковисто прижалась русалочьим телом, приникла терпкими, с привкусом айвы губами, схватила на руки, качая в волнах, и сказала, что вынесет из моря, потому что Ульяна прекрасна, а ее тело совершенно в сиянии луны, покрывающей его золотым светом... Уля неловко соскользнула, цепenea от двусмысленности объятий, и ринулась к берегу. Поздно ночью они танцевали на пустой набережной под незамысловатую любовную песенку, доносящуюся из кафе, и Уле хотелось, чтобы этот миг не закачивался, продолжая раскачивать землю под их ногами. Ее увлечение почти не носило сексуального подтекста, хотя тогда, может быть, она бы не отказалась ни от слияния душ, ни – тел, но сама не проявляла инициативы, ожидая, как поступит Фаина. Та ускользала снова и снова, шкатулка так и оставалась закрытой. «Возможно, к лучшему», – думала Уля, слабо веря в истинность этих слов. Фаина была как нелегализованное чудо-лекарство, обещающее панацею от любых болезней, исцеляющее все и сразу, но – с неизвестными последствиями и негарантированным отдаленным результатом. Принимавший его пациент мог до неузнаваемости мутировать.

Незнакомка растаяла одним безоблачным утром, держа в одной руке рюкзак, в другой – стеклянный браслет с рыбками, протянутый на прощание. Лучезарно улыбнулась, тряхнула гривой и бесшумно закрыла дверь, незаметно прихватив часть души Ульяны.

В последний день отдыха, расположившись недалеко от накатывающих на гравий волн, Уля с благодарностью принимала массаж, необходимый ее усталой спине, который вызвалась сделать знакомая певица Регина, приехавшая выступать со своими концертами, а заодно и отдохнуть. Сначала девушки болтали о пустяках, рассказывая друг другу последние новости, а потом Регина спросила, с силой нажимая на болезненные точки зажатых мышц:

– И как вы нашли с Фаиной общий язык? Ты ведь знаешь, что она бывшая девушка N, а ведь именно ты послужила причиной их разрыва.

Та не ответила. Разумеется, она не знала.

Браслет с рыбками Уля передала племяннице, постаравшись избавиться от воспоминаний и сентиментальных привязок.

В любом случае, поездка пошла ей на пользу. Страх смерти куда-то исчез, испарился и больше не докучал ей приступами полночных панических атак, бессонными ночами и ощущением полной измотанности.

Иногда она задумывалась о том, что послужило причиной интереса Фаины к ней: желание понять, что за человек Уля, попытка отомстить, показать, что она сильнее и спокойно может манипулировать кем угодно, если захочет или что-то еще? Уля неоднократно наблюдала ее интерес к бездомным собакам, которых та гладила на пляже. Казалось, они чувствуют Фаину за версту и сбегаются именно к ней, чтобы получить необходимую порцию ласки. Была ли она искренней, глядя их по доверчивым дряблым животам, или это лишь очередная актерская игра на публику, обманка для запутывания окружающих?

Гораздо позже Уля увидела в интернете свадебные фотографии Фаины с тем музыкантом, которого она обвивала в те моменты, когда не находилась рядом. Часть фотографий являла вполне счастливую пару молодоженов, но чуткому фотографу удалось уловить необычное: на одной из них невеста оглядывается, и в ее глазах явно читается неприкрытое торжество, причем Уля точно знала, что смотрела Фаина именно на нее. Уля мысленно улыбнулась и пожелала ей счастья, в чем и в ком бы оно для нее ни заключалось. «Пусть в ее жизни будут свет и радость, а я окажусь неправа, подозревая ее галантерейно-холщевый брак вынужденной житейской необходимостью, ловко провернутой сделкой при натуральном обмене товара на товар», – подумала она.

Дневник Ульяны

Можно высмеивать себя за эту странную историю, увенчать себя шутовским колпаком или заклеить парой хлестких выражений Фаину, разразиться жалобными стонами о кровоточащей душе и собственной глупости, или – принять эту историю, как лекарство, убедив себя в том, что оно подействовало. Устав жизни, полный железных и неукос-

нительных правил, ведет к отчаянию и краху, но как к ним относятся соловьиные трели в лесу, «флейта водосточных труб», пронзительное упоение жизнью?.. Видимая внешняя безупречность всегда вызывает ощущение скрытого порока, тогда как легкий флер его придает тонкий и изысканный оттенок вкусу...

Я выудила себя из дебрей того мира, чтобы найти новый и он появился... Неожиданный, ну так что ж... Фаина, как легкий переменчивый ветер встряхнула меня, освободила от мраморной застылой неподвижности, взъерошила, раздражила, заставила биться как мотылька в окно, чтобы найти выход. Она потянула за тот конец нити, который смог распутать клубок, и я благодарна ей за это, за то, что снова начинаю жить, вместо того, чтобы шараться в компании ушедших в иной мир призраков и теней. Смерть Глеба, а потом и других соприкасавшихся со мной людей, слишком травмировала меня, и поиск выхода явно затянулся. Казалось, из того помещения не ведет наружу ни одна дверь. Фаина милосердно открыла ее передо мной. Поэтому я позволю себе видеть в ней свет, желать ей не вынужденно скованной кандалной семейственности, но брака по любви, без стоптанных тапок, отвисших на коленках тренировочных и прочих, отдающих гнильцой примет.

Зазеркалье

Со Стасом она познакомилась на скучном заседании, вынужденная присутствовать там по работе. После мероприятия шеф планомерно представлял помощницу разным людям, одним из которых и оказался Стас – Станислав Алакшеев. На первый взгляд, ничего особенного и уж тем более рокового в нем не наблюдалось: стройный парень славянской внешности, светловолосый, сероглазый в обычном мышино-сером деловом костюме, сидевшим на нем, кстати, довольно средне, сдержанный синий галстук, незапоминающийся чуть слышный парфюм – одним словом, чиновник в привычном для себя антураже... Кажется, встретишь такого и пройдешь мимо, скользнув взглядом...

Задержав руку Ули в своей значительно дольше положенного, он внимательно посмотрел ей в глаза, отчего у нее по всему телу прошла странная пунктирная дрожь – внезапно Ульяне показалось, что эта встреча предопределена свыше, кем-то, выстроившим звезды в определенном порядке специально ради этого случая. Глупость, конечно. Высокопарная сентиментальная глупость, свойственная дешевым историям глянцевого журнальчика для скушающих домохозяек и неудачниц, мечтающих о модельной внешности и муже-миллионере, но с грустью каждое утро заглядывающих в зеркало. Она зажала его визитку в руке, а вечером выбросила происшествие из головы, сунув клочок картона в общую визитницу – для коллекции. По своей взбалмошной натуре она не удержалась и сделала некий шаг навстречу: послала приглашение на одно из мероприятий, но он даже не ответил, не говоря уже о появлении. Страдать иллюзиями Уле несвойственно, выводы напрашивались сами, она пожалала плечами и заставила себя забыть.

Через год они пересеклись снова. Прошрое повторилось почти с точностью: ее рука в его теплых ладонях, тихий голос, вкрадчиво произносящий: «Я до сих пор храню твою смс-ку» и дрожь по Улиному телу среди гомона очередной конференции.

Он нашел ее сообщение и украдкой показал его Уле. Необъяснимый факт внутренней растерянности настиг ее врасплох, она только и смогла, что глупо спросить: «А зачем ты ее хранил?». Стас не ответил, исчезнув посреди конференции.

Ответ пришел вечером, завибрировавший телефон доставил сообщение: «Хранил, потому что нравишься, не отвечал, потому что стеснялся». Такого с ней еще не случалось. Нереально, но она почувствовала себя школьницей, получившей первое неловкое признание в симпатии, и оторопела. Это она, привыкшая к вниманию мужского пола, умеющая флиртовать, манипулировать, добиваться поставленных целей и задач, знающая, что ее темная сторона – лучшее оружие в мире мужчин, ударная сила, сокрушающая препятствия!.. Ульяна всегда знала, как одеться, какой длины должна быть юбка и насколько глубокий вырез декольте, какие духи оставят неизгладимый шлейф, знала, как улыбнуться, посмотреть и что сказать... Мужчины... Прimitивное отношение, желания и потребности...

Он казался неправдоподобно чистым, незамутненным в мире циничных постельно-денежных/прагматично-своих взаимоотношений (*звучит так, что от оскомины сводит зубы, но факт есть факт*), но это не делало его в глазах Ульяны слабым, а добавляло еще больше привлекательности и гармоничности его образу. Они написали друг другу еще несколько сообщений. Уле пришлось признаться, что завтра она уезжает в командировку и вернется только через две недели.

На следующий день в поезде она посмеялась над своей вчерашней впечатлительностью, сделав вывод, что молодой человек так необычно флиртует, привлекая внимание дам столь нетрадиционным способом и постаралась снова, как и год назад, выбросить этот эпизод из сознания. Тем не менее, вернувшись, отправила ему смс, скорее из любопытства, чем по каким-

то иным причинам. В ответ та же холодная тишина, что и в первый раз. Этого следовало ожидать. Она разозлилась и послала все к черту.

В третий раз жизнь столкнула их еще через три месяца на более пафосном по своему размаху мероприятии, где оба находились довольно долго, бродя с бокалами вина по залу и общаясь с нужными и не очень людьми. Увидев Ульяну, он целенаправленно пошел в ее сторону, фиксируя глазами ее взгляд и сковывая движения, чтобы та не смогла удрать. Впрочем, она и не собиралась, охваченная теплым томлением, растекавшимся по телу. Он шептал ей на ухо, что соскучился, постоянно о ней думал, и засыпая, видел ее глаза... Перекинув ее руку через свою, крепко прижимал к себе, то ли демонстрируя окружающим, что она с ним, то ли не желая отпускать и потерять из виду. Уля не могла на него сердиться. Когда он находился рядом, все негативные чувства растворялись, она чувствовала себя безвольным пластилином, покорно принимающим ту форму, которую хотели ему придать руки скульптора.

Раскланявшись со всеми и отдав дань служебным обязанностям, Стас утащил Ульяну гулять по городу, заявив, что крадет, и возражения не принимаются. Она не сопротивлялась, в его присутствии ее воля угасала, таяла, исчезала... Она показывала ему любимые с детства места: школу, в которой некогда училась, переулки, по которым бегала с подружками, дворики, ставшие для нее родными, знаковыми, и тем самым пускала Стаса глубже в душу, что не позволяла себе уже давно...

Они сбегали гулять и целовались как подростки, застигнутые первым чувством и бурлящими гормонами врасплох: в арках, ведущих к астматичным эхом кашляющим дворам-колодцам, меж толпы центральных улиц под нотной линейкой проводов и сидящей на ней перелетной стаей-гаммой, в затененных деревьями беседках, вдали от пламенеющих желтоглазых фонарей и неврастенично-гламурных витрин...

Он отправлял ей письма о том, как ее чувством, посылал сочиненные им мелодии, она писала ему по ночам стихи, радуясь симптомам сладостной девичьей влюбленности, давно забытой и утерянной годы назад. Ее темная сторона скукоживалась, уступая место тому светлому, детскому, которое она безжалостно давила в себе ранее, боясь новых ударов исподтишка и очередной боли от потери или предательства.

Он писал:

Уленька, привет...

Мне очень приятно, что тебе нравятся мои сочинения, а ещё приятнее читать такие твои строки, обращённые ко мне.

Знаешь, в эти выходные, особенно вчера, находился в состоянии какой-то безысходности, а сегодня твои стихи словно вдохнули в меня жизнь... Спасибо тебе.

Стас.

Она отвечала:

Почему безысходности, Стас? Я абсолютно уверена в том, что мысль материальна. Мы притягиваем к себе то, что хотим или чего боимся, но думаем постоянно. Мне кажется, достичь можно всего, если знаешь свою цель или мечту, а вот если не знаешь, тогда никак. Только учиться радоваться жизни и наслаждаться ею, и принимать то, что она нам дает. Моя интуиция говорит, что у тебя все как-то непросто, я умею видеть какие-то вещи и складывать простые числа:).

Не переживай, мне ничего не нужно, мы можем быть просто хорошими знакомыми, если тебе так лучше и спокойнее.

Ульяна

Она стала вспоминать разные смешные, милые, сентиментальные детали своего детства, которые, казалось бы, вроде давно исчезли из ее памяти, но тут, неожиданно стали всплывать. О том, как ей нравилось кататься с прабабушкой на трамвае, как она любила его пронзительный переливчатый звон, как выискивала счастливые билетки, которые можно съесть и торопливо загадать желание с детской верой в то, что оно непременно сбудется, с какой радостью бежала в библиотеку, чтобы брать там потрепанные, прошедшие через сотни рук, книжки о приключениях и, приходя домой, первым делом втягивала носом их неповторимый запах, состоящий из самых разных смесей, от бумаги и типографской краски до запахов чужой жизни тех, кто имел счастье прочитать увлекательные истории до нее... О том, что когда-то она верила: цветы-колокольчики звенят, если их слегка тронуть пальцем, и если долго вдыхать запах ландышей, – можно стать феей... О детской влюбленности в красавца-серба, мужа подруги матери, о том, как она злилась, когда их маленький вечно сопливый сынок заявлял, что когда вырастет, женится на ней – он ничуть не походил на своего отца... О том, что давным-давно она еще была убеждена: человек, если очень сильно захочет, сможет преодолеть земное притяжение, гравитацию и полететь... О том, что там, в прекрасном далеко, ее ждет умопомрачительная сказка...

Когда жизнь столкнула их в третий раз, и они отправились гулять по городу, тогда и началась эта история, роман между Ульяной и Стасом, между ними и городом, городом и архитектурными стилями, архитектурными стилями и ними...

И тогда Ульяна стала понимать, открывать свою истину, философию, принятую и осознанную через дыхание города: человек – тоже смешение стилей и разнообразие форм. Он издавна переживал пожары, войны, революции и перевороты, и все это отразилось в его душе, в генах, передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну, от прадеда к правнуку, накладывая неповторимые отпечатки. Он идет от язычества к христианству, от атеизма к духовным практикам, от дикарства и бескультурия к этикету и политесу, от свободы воли к социальным установкам, принятым в обществе. И если «конец 20 века – период современных технологий, когда в архитектуре Москвы отмечается преобладание стекла и металла. Эти постройки олицетворяют дух современного мегаполиса, в котором практичность преобладает над формой», то в самом человеке это – преобладание материи над духом, денег, силы и власти над душой...

Дневник Ульяны

Дух современного мегаполиса – преобладание материального, практичного над внутренним содержанием. Даже литература измельчала, перестала быть тем, чем она была в эпоху Толстого, Достоевского, Чехова... Мы сучим лапками подобно лягушке, сбивающей из молока масло, но наше молоко изначально скисшее. Мы очень хотим уйти от типовых форм, стандартных пятиэтажек, панельных домов современного типа, мечтая о неординарности, причудливости, способах подачи себя, но с великой торжественностью представляем лишь очередную посредственность, но никак не произведение искусства.

Мы проходим по жизни разные этапы становления личности.

Классицизм, впитанный и взращенный с помощью родных и близких, постепенно ставший незыблемыми устоями личности, ее позвоночником, хребтом и основой. Роскошь и блеск семейных традиций, генетическая связь со своим генеалогическим древом и страной, где ты испустил свой первый отчаянный крик.

Модерн юности, с ее изяществом и желанием причудливости облачений – лепнина фигур, орнаменты украшений из стекла и металла, вензеля татуировок, смелость причесок... Желание свободы самовыражения, смелости мысли и действия... Юности свойственна и мрачная романтика готики, желание вертикального роста, устремленность ввысь к недоступным простым смертным тайнам, и нарочито агрессивный деконструктивизм, демонстрирующий конфликт с обществом и средой, вызывающий на спор или сражение.

Взрослея, мы выбираем другие стили.

Одни опираются на пышное и причудливое барокко, призванное поражать своим мнимым, иллюзорным богатством и всеми силами подтверждать достигнутый социальный статус хозяина. Это роскошь сусального золота, безвкусица, видимая многим, но не самому владельцу, не ощущающему дефектности возведенного строения, вычурного, пышного и бессмысленного в своей излишней роскоши. Это нувориши, ставшие богатыми в случае удачи и счастливых обстоятельств, непривычные ранее к большим деньгам, не имеющие соответствующего образования и культуры, но болезненно мечтающие стать равными если не потомственным князьям и графам, то хотя бы известным актерам, художникам, ученым...

Другие принимают многостилевую эклектику, смешивая все понравившееся на одном пространстве своей жизни, стаскивая к себе, принимая в себя все блескучее, подобно вороне, уносящей в гнездо очередные «богатства». В основном, это простые труженики, жаждущие незамысловатого комфорта и простых человеческих радостей: квартира, машина, дача, дети, достаток, отдых в Турции/Египте/Тунисе, кино и лыжи по выходным. Или вынужденный реализм, воплотившийся в блочных пятиэтажках и панельных домах, стыдливо серых как снаружи, так и изнутри.

Третьи пытаются остаться в модерне, естественно-природном, не только эстетически красивом внешне, но и нужным, функциональным, полезным по какому-то большому счету (который, впрочем, для каждого свой), но при этом они стремятся выделиться из толпы, обратить на себя внимание, чтобы остаться навечно в людской памяти, как великие Гауди или Хундертвассер, чьи творения до сих пор поражают и заставляют трепетать от восторга. Это свойственно по большей части творческим личностям: художникам, скульпторам, архитекторам, композиторам и писателям.

Четвертые окружают себя монументальным классицизмом – сталинским ампиром, стремясь походить на знаменитые высотки, и как шпили и шатры их имитируют башни Кремля, так же их хозяева имитируют, выказывают верноподданничество правящему режиму, тогда как внутренний декор старательно копируют как с европейских, так и с древнерусских элементов, полагая это высшим образцом истинного шика... Это правящая элита и депутаты, мечтающие наворовать столько, чтобы стать пресловутым бизнес-классом.

Кто мы сегодняшние, какие мы есть на самом деле? Деловые, стремящиеся вверх и ввысь, покрытые гламурным глянцем так же, как современные башни-небоскребы «Москва-Сити» с отражающими свет

стеклами? Наш каркас спаян из металлических конструкций, также порой наспех, с нарушением правил, воткнутых в чрево земли? Мы производим впечатление своим размахом, но удобны ли те помещения, в которые мы предлагаем заглянуть, а то – и поселиться?

Что нами правит по дороге от рождения и до смерти? Страхи, лень, отсутствие цели или ее подмена? Что заставляет создавать величественные проекты, строить планы и отказываться от них спустя некоторое время? Оглядываясь на прожитую жизнь, мы вспоминаем неосуществленные проекты вроде Дома Совета, так и не возведенного, как и несколько других таких же масштабных зданий, грандиозных по замыслу, но оставшихся лишь на нескольких пожелтевших от времени чертежах. Оставим мы после себя возведенный храм, груды развалин из битого кирпича, заброшенный котлован с протухшей стоячей водой или может вавилонский зиккурат с нашим прахом будет вечно напоминать потомкам о наших грандиозных утопических идеях, о неисправимых ошибках, жестокости, самонадеянности и глупом бахвальстве, отразившемся на судьбах миллионов?!

Стою на балконе. Ловким щелчком посылаю тлеющий окурок в пустоту. Сигарета кружится, кружится и как опаленный горящей свечой мотылек, медленно падает вниз, в черноту ночи... Перевожу глаза параллельно горизонту и вижу панораму мерцающих желтым светом окон, чудится, что в каждом таком окне, неважно пятиэтажка это или новая высотка, в каждом таком окне – один день из моей жизни, прожитой здесь ли и сейчас, а может, в лихорадочном бреде вспомненный из какой-то другой, потусторонней, прошлой, выдуманной жизни. Я боюсь этих дней-окон, ведь за ними спрятаны свои скелетики и скелеты, обезумевшие чудища, безмолвно разевающие свою пасть и вопрошающие: «Ты помнишь?» Помню. Но не хочу вспоминать, только счистить все до крошки, до белого листа, но получается какая-то манная размазня из полустертой резинки и верхнего слоя бумаги.

Одиночество. Люди так боятся этого слова. Странно. Я понимаю, что одиночество среди людей – вещь действительно страшная, тогда как одиночество наедине с природой – гармонично, правильно и естественно. Ты боишься быть чужим и ненужным рядом с родными, друзьями, соседями, тебя повсюду сопровождает страх, что тебя не любят, но стоит оказаться наедине с природой – в горах ли, в хижине, переживая грозу, на берегу моря во время шторма, ты чувствуешь себя частицей той мощной силы, что и составляет нашу планету. Есть люди, которые совершенно не могут, не умеют и даже – панически боятся оставаться одни... Смешные... Ты приходишь в этот мир один и уходишь один... Всё, что у тебя есть – это ты сам, этакий микрокосмос...

Ты разбередил меня, Стас, позволил верить в то, что я чище и лучше, чем кажусь себе сама, чем чувствую, а это самое сильное искушение из возможных. Я рассуждаю о мире, его структуре и своем месте в нем, но вдруг это все лишь попытка показаться значимой, вдруг мои мысли не имеют ценности, на самом деле они смешны, наивны, тщеславны и пафосны?.. Я не знаю, как посмотреть в зеркало, чтобы увидеть там истину...

День Сурка

Это напоминало бесконечный, повторяющийся раз за разом День Сурка. День за днем в жизни Ули проходили все новые мероприятия, неизбежно сталкивавшие ее со Стасом лицом к лицу. Заходя в залы, они сразу начинали искать друг друга в толпе, перебирая глазами знакомые и незнакомые силуэты, лица и мысленно отбрасывая их в стороны, как отработанно-увиденное, досадно мешающее, засоряющее пространство нечто. Они притягивались друг к другу непреодолимой силы магнитом, успокаиваясь только, когда рука одного лежала в руке другого или хотя бы расстояние между ними оказывалось не больше локтя. Он по-хозяйски обнимал Улю за талию, подавал пальто, а однажды представился мельком знакомому журналисту как ее муж и смотрел влюбленными глазами. Она боялась спугнуть его силой своих чувств и ощущений, тем, что теперь так ярко ощущала сама: немыслимую божественность раскрашенных акварельными переливами закатов и восходов, идеальность формы цветка, жадное упоение ночным воздухом, наслаждение запахами, самыми разными, начиная от детского крема фабрики «Свобода» до крепкого и пахучего подсолнечного масла...

Они сбегали оттуда гулять, как говорили сами, в «нашу Москву» и целовались словно подростки, застигнутые первым чувством и бурлящими гормонами врасплох.

Один раз они весь кинопоказ простояли, целуясь за тяжелой и пыльной бархатной портьерой, отделяющей зрительный зал от двери с надписью «Выход», а потом, на фуршете, изображая броуновское движение хаотично сталкивающихся частиц, тянулись друг к другу снова и снова, преодолевая чужие тела, облаченные во фраки и вечерние платья, руки с полными тарелками халявной еды, ненужные разговоры и цепляющие рты скучающих собеседников, активно пережевывающих не только пищу, но и ненужные дежурные слова, этикетно-обязательные в подобных местах. Их тянуло к выходу, к медленно падавшему за стеклами окон снегу, к сумраку фонарей и свежему, не спертому, каким он бывает из-за дыхания огромной толпы, воздуху.

.....

Обычно они расставались в метро. Он проезжал с Улей несколько остановок, притягивал к себе, целовал и исчезал за дверями поезда, с грохотом лязгавшими за его спиной и словно ставящими на ней свою неизменную предупреждающую надпись: «Не прислоняться». Уля недоуменно смотрела вслед, каждый раз в жгучем волнении ожидая изменения сложившегося сценария, и каждый раз непроизвольно вздрагивала, когда двери вагона безжалостно разрезали их энергетическую пуповину...

Ульяна гадала о детстве и семье Стаса, пытаясь представить, каким он был тогда, но еще ничего о нем не знала... Странно, иногда случается так, что ты видишь человека, чувствуешь его, а тут – Стас оставался закрытой книгой, ларцом, в который никак не удастся заглянуть, потому что ключ от него либо потерян, либо хранится в яйце, яйцо в утке и так далее... Поначалу Улю это раздражало, более того, – бесило, потому что его поведение не укладывалось ни в какие стандарты. Но ее тянуло к нему. Не потому что она хотела покорить, обладать, разъяснить для себя, залезть в душу и разложить по полочкам имеющееся там, а зачем-то еще, чему она не могла дать внятного объяснения. Сначала Уля приняла это за влюбленность, но потом осознала, что это иное чувство, которое просто есть, как данность: как небо и земля, солнце и луна, жизнь и смерть...

Тоска бесконечной зимы сменилась еле уловимой надеждой весны, пахнущей ландышами, затем робкими чаяниями лета с запахом сирени и жасмина и, наконец, безнадежной депрессивностью осени, предрекающей новый тоскливо-ледяной и серый сезон, а все так и оставалось зыбким, непонятным, ласково-тревожным...

Уле казалось, что Стас – маленький мальчик, потерявшийся поздним вечером на темной улице, в подворотне, мечтающий о том, чтобы его взяли за руку и привели домой, в тепло и свет, где его давно ждут, любя и волнуясь. Но у него вечно не было времени на встречи, поскольку трудоголизм поглощал его полностью, засасывая в свою воронку с безразличным чмоканием росянки, поедающей пойманное насекомое.

Даже в свое рабочее окно он видел только соседний офис напротив, и словно в насмешку, маленький кусочек неба, со зловеще проносящимися тучами-птицами, гонимыми ветром, и даже когда редкий солнечный луч заглядывал на его подоконник, Стас только недовольно шурился, смаргивая его, словно попавшую в глаз ресницу или пылинку.

Он не лгал, по большей части он полностью отдавался бумажно-административному процессу, увязая и утопая в нем и не понимая, что подменяет и заменяет этим трудоголизмом другую, не менее важную часть жизни. Добровольно надев на глаза шторы, он сузил кругозор, сосредоточив все свое внимание на деле, которое исполнял, не понимая, что нельзя все время смотреть в объектив камеры, надо иногда выключать ее, не ограничивая черным квадратом, и узреть большой, реальный мир, в полной его перспективе, видимой обычными человеческими глазами. Не раз он замечал, что ему проще сделать самому, чем объяснить задачу помощнику, а потом исправлять его огрехи, что лучше и быстрее, чем он не сделает никто. И он действительно был незаменим, выполняя и перевыполняя мыслимые и немыслимые нормы, отдаваясь поставленной задаче с пылом и жаром принятого в тайное общество неофита, стремящегося заслужить одобрение маститых мэтров. Как ни странно, его амбициозность и стремление стать лучшим, добиться большего не сделала его склочным, мелким, лебезящим, мелкотравчатым пронырой, с наслаждением гуляющим по телам поверженных коллег и противников, часть его души, скрытая от многих глаз офисным костюмом и деловой мимикой, присутствовала всегда. Ульяна ее видела и чувствовала, почти осязала. Вполне возможно, кто-то мог бы сказать, что она обманывалась, принимая желаемое за действительное, но для нее истиной было то, что она ощущала.

Он говорил, что иногда возвращается с работы в то время, когда метро уже закрыто, и Уля понимала: его никто не ждет. В окне не горит свет, не колышется занавеска, скрывающая женский силуэт, на кухне нет любовно приготовленного и в очередной раз разогретого ужина, аккуратно застеленная постель не смята даже вальяжно разлегшейся кошкой, ведь при его режиме работы и постоянных командировках домашнее животное – непозволительная роскошь. Иногда она клала руку Стасу на грудь и слушала, как стучит его сердце: взволнованно, учащенно или же мерно и равнодушно... Оно горячо билось под ее ладонью, и она принимала эту игру, желая обманываться или верить. Водила пальцами по его губам, дотрагивалась до щеки, шеи, ерошила волосы и... отходила прочь, ощущая его напряженность и натянутость...

Иногда днем или вечером она заходила к нему в департамент кинематографии. Они пили чай, а потом шли гулять по улицам, смотрели на старинные дореволюционные или сталинские дома, забредали через подворотни внутрь дворов-колодцев, гулких, зачастую пустых и безлюдных даже в самом центре. Он брал ее за руку и сердце Ули билось в самом центре ладони, отдаваясь в линию его жизни... Она ощущала, что Стас и сам не понимает, зачем она нужна

ему, что происходит между ними, ведь это не стало любовной связью, а неузнаваемо видоизменилось, словно растение пораженное радиацией еще в зародыше.

.....

Она узнала, что он любит читать стихи и сочинять музыку, писать научные работы и составлять отчеты, учиться всему, что может пригодиться в работе, не мыслит рабочий день без шоколада, и что внешне его всегда привлекали блондинки, тогда как Уля блистала иссиня-черной копной волос, но его первую любовь звали тем же именем, что и ее... Сначала она писала ему стихи, но это быстро ушло в период временного отчуждения Стаса, необъяснимого и обидного для нее, ставшего толчком к разрастанию ее темной стороны.

Он отправлял ей нежные письма о том, как дорожит ее чувством, посылал сочиненные им мелодии, она писала ему по ночам стихи, радуясь симптомам сладостной девичьей влюбленности: возбужденно сверкающим глазам, постоянной, может чуть глуповатой улыбке и бабочкам, нахально-щекочуще порхающим в животе. Ее темная сторона скукоживалась, уступая место тому светлому, детскому, которое она безжалостно давила в себе ранее, боясь новых ударов и очередной боли. Она видела, что если раньше окружающие воспринимали ее словно красивое, но хищное животное, наблюдать за которым лучше с безопасного расстояния, то теперь – подтягивались, придвигались ближе, льнули, желали, мечтали соблазнить, завладеть тем светом, теплом и жаром, которые стали исходить от нее, словно от пылающего костра, разбрызгивающего искры и манящего согреться. Но Уле не хватало Стаса, он ускользал всеми возможными способами, а не только отсутствием встреч и неприкосновениями. Ускользал отсутствием одеколонных запахов, тем, что не любил говорить о себе и своей семье, писал, но не любил звонить и ускользал голосом... Он как невидимка, закутавшийся в плащ, прятал себя и свою жизнь, а может – второе я и стареющий за него портрет, спрятанный в тайной комнате.

Улин шеф Аркадий Степанович, человек удивительно мягкий, теплый, увлекающийся астрологией в какой-то степени заменял ей отца, она могла делиться с ним самыми разными проблемами. В том числе, и странными взаимоотношениями со Стасом. Они общались на «ты». Это не было фамильярностью, несмотря на большую разницу в возрасте, но – степенью доверия и дружеской близости. Аркадий напоминал ей взъерошенного плюшевого ежа, хозяйственного, деловитого, обладающего хорошим чутьем, но не колючего... Он всегда мог деликатно и незаметно сгладить ее дурное настроение и раздражение, то погладив по голове, то – умело и тонко польстив самолюбию помощницы. Он называл ее «хорошая девочка», словно она и впрямь была маленькой. Как ни странно, это работало. Иногда Уля сетовала на поведение Стаса и Аркадий, тихо и незаметно, подводил ее к мысли о том, что занятость и душевная организация такого молодого человека нуждаются в особом подходе... Даже если Ульяна кипела и негодовала, к концу разговора переставала бурлить, превращалась в теплое парное молоко, нежное и обволакивающее... Она никогда не пользовалась «особым» отношением шефа, вовремя делала свою работу в ФКК (спасибо Дмитрию), позволяя себе лишь небольшие поблажки в исключительных случаях... Писать рецензии на фильмы, помогать ему организовывать показы ретроспективного кино и альтернативный прокат авторских, некоммерческих лент было ей интересно, хотя работа и не была так уж хорошо оплачиваема. Приходилось вертеться и добывать денюжку разными возможными способами: написать статью в журнал или газету, взять у одной из звезд интервью, в качестве халтурки написать серию-другую для сериала....

Дневник Ульяны

Мне всегда казалось, что если нравишься человеку, тот найдет время увидеться, поговорить, обнять, тогда как он, ссылаясь на работу, сбегал или отменял встречи, то ли испугавшись неких проблем, то ли не желая лишней мороки связанной с таким непредсказуемым существом, как я. Постепенно я с удивлением стала понимать, что мой гнев ушел, я перестала чего-то желать от него, а просто приняла таким, какой он есть: непонятный, уходящий, пропадающий и появляющийся вновь, как свободолюбивый уличный кот, ценящий независимость превыше всего. Но вот что странно: Стас менял меня изнутри, рядом с ним я становилась чище и лучше, глубже, добрее, внимательнее к людям и миру. Это происходило само собой, исподволь, незаметно, также как родители не замечают рост своего ребенка, находящегося с ними рядом день ото дня. Мой обычный цинизм, защитная пленка из высокомерной сексуальности, ставшая второй кожей, некоторая расчетливость и утомленная внутренняя взрослость истончались, а вместо деловитости и жесткости бизнес-леди, привыкшей к сгущенному и спрессованному графику будней, стала проявляться романтичность и беззаботность девчонки-хиппи, шлепающей босыми ногами по любым поверхностям, будь то раскисшая от дождя земля или мраморный пол приемной высокопоставленного чиновника. Меня потянуло на смешные мягкие игрушки, детские сказки и цветные одежды свободного покроя, на медитативно-шаманскую музыку и украшения, легкомысленные шарфики и книги по архитектуре.

Но я не понимаю, что от него ждать и как вести себя... Я слишком хочу жить, чтобы зависать надолго в таком безвоздушном пространстве.

После вечера поцелуев за театральной портьерой перед очередным расставанием Стас сказал, что им надо встретиться и серьезно поговорить обо всем, несмотря на то, что он боится ее потерять, ведь она может в нем разочароваться... Ему надо собраться с мыслями, разгрести срочные проекты, написать отчеты, составить сводные таблицы эффективности проведенных мероприятий, чтобы не рваться с беспокойством в офис, кляня себя за нерадивость, а иметь возможность и мысленно, и физически побыть с возлюбленной. Он обещал, что они увидятся через день-два. Уля волновалась, что он много работает, сильно устает и писала ему:

*Ты говоришь: устал и потерялся в пространстве круговерти чисел
И выходной сегодня не удался, и на работе слишком много писем...
А я зову тебя в совсем другие дали, чтобы друг друга мы не потеряли
Поедем, милый, в зимний Коктебель? Там бог качает море-колыбель
Там тишина и никого вокруг и только там замкнется нужный круг
И только та смешная глухомань нас выведет за матричную грань.*

Он отвечал:

«Уленька, прости, завтра встреча не получается... Я ещё не окончил все дела, и просто не могу физически... Вчера было состояние, близкое к неотложке, а завтра вечером после

нагрузки на фестивале ещё предстоит работа в офисе... Не обижайся, пожалуйста (хотя я знаю, ты имеешь право это сделать...), я не забываю, я всё помню. Это замечательные стихи. Неужели это мне?».

Стас

Она терпеливо, с замиранием сердца ждала встречи, понимая его загруженность, считая часы и дни, но он все откладывал и откладывал, ссылаясь на вновь возникавшие неотложные дела. Сначала она каждое утро вихрем неслась к компьютеру, ожидая весточки, но день ото дня все неохотнее и боязливее заглядывала в почту, вынуждая себя проглядывать ее из-за работы, получая примерно следующее (с незначительными вариациями):

Уленька, здравствуй!

Доклад не дописал... Но дело даже не в этом, а в том, что сегодня у нас в департаменте траур – умерла начальница дружественного управления, всё крутится вокруг этого, настроение не очень... Давай попробуем встретиться в следующую пятницу, и начнем все же наш новый год вместе?;-) Пусть с запозданием, но это неважно. Пожалуйста, не расстраивайся, я сам порой не знаю, какие у меня обстоятельства могут наступить в следующий же час...

Пиши,

Скучаю,

Стас

Она пыталась объяснить, что так нельзя, это слишком неправильно и жестоко, что внимание нужно, в первую очередь, живым, тем, кому ты дорог... Но могла ли она достучаться до него одними только словами, не видя его глаз, мимики, жестов, да и он, не наблюдая вещественности Улиной боли, заплаканных глаз, опухших и покрасневших век, грустной морщинки, появившейся в уголке рта, наверняка не воспринимал это всерьез...

Стас, честно скажу: я тебя не понимаю, правда. По-моему, если хочешь встретиться с человеком, то всегда найдешь время и возможность, не подгадывая под даты, несмотря на дела... В мире каждую минуту умирает огромное количество людей тебе не близких, но это не может служить эталоном настроения и удобным предлогом для отказа. Может быть, ты не будешь прятаться за всеми этими отговорками, а скажешь все как есть? Это проще и правильнее. Мы собирались встретиться с ноября месяца... Тебе не кажется это странным и неправильным?

Я недавно посмотрела фильм про цунами в Таиланде "Невозможное". Как хрупка и недолговечна человеческая жизнь и как быстро, в одну секунду все может измениться. Тратить ее на ожидание непозволительно глупо.

Я не понимаю тебя: ты все же пришел на одно из моих мероприятий, куда я тебя звала, значит, тебе безразлично, где-то и как-то... Иначе ты не стал бы тратить на это время. Объясни, что происходит. Я хочу понять. Строить догадки самое бессмысленное дело на свете, как правило, все оказывается совсем иначе, но человеческий мозг так устроен, что всегда ищет смыслы и объяснения происходящему. Объясни мне, я пойму. Скажи, зачем ждать именно до следующей пятницы? Почему мы не можем пересечься и выпить в центре кофе, поболтать какое-то время... Зачем столько сложностей? Порой ты напоминаешь мне старинную закрытую книгу: к ней почти невозможно подобрать ключ, чтобы ее открыть, да и если откроешь, есть шансы, что она тут же рассыплется в прах, не желая отдавать свои тайны.

Поговори со мной. Или ты просто хочешь, чтобы я сама приняла решение и ушла, устав от этой ситуации? Тогда скажи об этом.

Я давно поняла, что откровенность, это лучшее и самое правильное, что можно себе позволить.

Ульяна

Дневник Ульяны

Я не понимала, что происходит в его голове: это страх близких отношений или нежелание превращать легкий, ни к чему не обязывающий флирт в нечто большее? Но я не хотела от него «большого» в смысле «всего», на первых порах мне достаточно было романа, чудесной иллюзии недолгой сказки...

Я обмолвилась об этом сразу, чуть ли не в первой смс-ке, но тогда мне показалось, что я шокировала его этой фразой, и постаралась сгладить неловкость. Зачем все настолько усложнять, если мы еще друг друга почти не знаем? Жизнь так коротка, что хочется ярких красок, неземных ощущений, восторженной романтики, способности легко наслаждаться краткими мигами чуда, парить в небе, ловя потоки ветра и радостно подчиняясь его законам... Неужели он не чувствует? А потом жизнь сама расставит все по местам. Она это хорошо умеет. И уже будет повод что-то решать, о чем-то говорить, обсуждать...

Я терпеливо ждала, не торопила, но протянулась неделя, другая, месяц, два... Нет, я не рыдала ночами, моя боль выплескивалась строками на бумагу, безысходное больное вдохновение угасающей на берегу рыбы, тщетно хватающей воздух губами и извивающейся в агонии, лишенной даже шанса добраться до речной глади.

Она написала снова:

Стас, я не понимаю, искренне не понимаю, почему мы не можем встретиться. Такое ощущение, что мы живем не в одном городе, а на разных полюсах земного шара и при этом каждый находится в запертой тюремной камере. Моя поэзия в последнее время приобретает мрачные оттенки, в мозгах хаос из глупых мыслей-попыток объяснить и назвать то, что между нами происходит или, вернее, не происходит. Может, проще сразу сказать: извини, так бывает, прощай...

*У тебя нет имени для меня, я пока ничто, я пока целина
Не целована и не узнана, холодна как монахи в пустыни
Только сердце бьется мое не так, это только сон или верный знак
Может я лишь просто в рулетке приз или прихоть мелкая иль каприз
Может я похмельный с утра синдром, ты случайно коснешься меня бедром
Пропустив меж пальцами как песок, а потом прострелишь насквозь висок
Чтоб не мучилась тут, ожидая зря, в разоренном храме у алтаря*

Давай так. Ты все же напишешь все как есть и не будешь меня терзать. Может, я просто чего-то не понимаю в силу своей ограниченности?

Ульяна

Через сутки пришел ответ:

Спасибо, Улечка, за то, что ты есть... Сложно мне сейчас обстоятельно ответить на твоё предыдущее письмо, поскольку вся голова занята лишь одним – докладом. Там не шутки, там очень спрессованные сроки и могут быть суровые последствия, если материал будет

некачественным или подготовленным не в срок. Я назвал срок через неделю ещё и потому, что я всё же надеюсь дописать своё творение к концу недели, и тогда смогу думать ещё хоть о чём-то. Это сейчас и является доминантой и 100 % – но влияет на моё восприятие мира...

Ещё раз спасибо, до связи,

С.

Спустя три недели он прислал ей еще одно письмо:

Уленька, дорогая, я опять пропал из-за своих нескончаемых дел (на уже имеющиеся дела "навалился" ещё и переезд из одного кабинета в другой). Мне кажется, в последних наших письмах мы друг друга "не услышали"... Я написал тебе про одно, а ты прочитала немножко по-другому... Поэтому это требует уже не писем, а разговора. Надеюсь, что на следующей неделе мы всё-таки встретимся... Но, с одной стороны, я его хочу, а с другой, если он состоится, нам неминуемо предстоит очень сильно друг перед другом раскрыться. Если честно, я этого опасуюсь: я уже давно никого не пускал вглубь себя, и не уверен, что это получится в этот раз...

Стас...

Она ответила.

Стас, пойми: я не хочу, чтобы что-то было тебе в тягость и приносило негативные эмоции. Если я говорю, что хочу, чтобы тебе было легче и проще, значит, так и есть. Душить человека эмоциями, желаниями, попреками, попытками переделать под себя и прочими штуками я не хочу и не буду, равно как и не позволю этого делать с собой.

Отношения должны приносить радость обоим, но никак не иначе, поверь. Я очень хочу, чтобы мое отношение дарило тебе крылья, а не приносило новую порцию проблем и вопросов, которые необходимо решать.

Визжу, что ты очень закрытый человек, но насколько смогла тебя "проинтуичить", я и написала, дав тебе выбор и возможность отойти, если тебе так комфортнее и проще.

Я услышала тебя, не думай. Просто тут есть несколько важных моментов, о которых нужно сказать: не идеализируй меня, я не ангел.

В моей жизни было столько всего неправильного, что я боюсь об этом кому-либо рассказать, – если ты не хочешь раскрываться, не раскрывайся, иногда это происходит постепенно, иногда годами, и никто не потребует от тебя обнажать душу полностью, я и сама не знаю, смогу ли сделать то же самое, мне ведь не хочется разочаровать тебя, не смотря на то, что я пытаюсь быть сама собой, – я, как и ты, человек, публичный. Часто флиртую, смеюсь, играю, но это просто игра, в которую играют все. Она доставляет некоторую долю положительных эмоций и не переходит за грань, когда начинается нечто большее. Нечто большее это не любовь до гроба, не безумные и тянущие эмоции, а что-то неизвестное, чему я пока не могу дать названия.

Неожиданно для меня, так произошло. И я сама растерялась, понимая, что моя защитная оболочка становится проницаемой, а я – ранимой.

Не люблю чувствовать себя такой, я привыкла быть сильной и неуязвимой, к этому меня приучила судьба. Гораздо проще жить сильной, невозмутимой, непроницаемой для сильных эмоций, с логическим, практически мужским мышлением и некоторой долей цинизма, привитого с годами.

Когда я поняла, что меня ранит твоя осторожность, закрытость, желание подождать, разобраться, не встречаться тут же, завтра или послезавтра, чтобы хотя бы понять, что это случилось: всплеск адреналина и эндорфинов или желание поближе узнать друг друга, или просто желание сиюминутной недолгой сказки, тогда я подумала, что не могу себе позволить испытывать столь яркие эмоции. Они могут меня разрушить, причинить боль, а ее и так было достаточно.

Я по гороскопу рак, мой панцирь – мое богатство, моя крепость. И я пачусь назад, когда его пытаются разрушить, мне проще отойти, – раскрыться – не значит понять, Стас. Иногда до этого далеко. Я сама не всегда себя понимаю, если честно. Да, все может измениться, но все и так меняется, пока мы живем. Обновляются клетки тела, изменяются ситуации, место жительства, друзья...

Бояться чего-либо бессмысленно в принципе, но мы боимся, и это естественно, – главное, хотя бы что-то знать друг о друге, чтобы не додумывать для себя то, что не является правдой. Люди этим тоже любят заниматься, и постоянно обманывают себя, выводя ложные умозаключения, основанные на собственных комплексах. Они у меня тоже есть, не смотря на то, что многим это может показаться удивительным, – притом, что моя защитная оболочка растворилась, я из чувства самосохранения могу совершать дурацкие поступки и уйти, потому что жить с завязанными глазами невыносимо для меня.

Представь чувства человека, живущего в ожидании амнистии или казни. Если этого можно избежать, то стоит это сделать... К тому же (сейчас я абсолютно честна), я вспоминаю, что ты не ответил на мою смс-ку после приезда из командировки...

Стас, я очень хочу радоваться жизни, ощущать вдохновение для творчества и я не готова страдать. И это "страдать" означает только ожидание и ничего больше. Я не знаю, что есть и что будет, не планирую ничего, ни от чего не зарекаюсь, просто стараюсь объяснить. Да, это сложно, вполне возможно, проще это сделать, когда видишь глаза, касаешься руки, считаешь жесты... Вполне возможно. Что изъясняюсь сумбурно, извини.

Неважно, что будет дальше. Надо понять, что есть здесь и сейчас. Мы живем сегодня. А завтра для любого из нас может не быть, по разным причинам. Хочешь, назови это концом света или чем-то еще... Но ты выяви те главные приоритетные доминанты, желания, которые существуют для тебя здесь и сейчас, которыми ты хочешь и можешь жить сегодня, а не когда-нибудь потом. Я слишком хорошо знаю, что такое "завтра может не быть". За это отчаянное переживание я даже премию получила. Но это же не поворотит время вспять, правда?!

Думаю, я могла бы еще что-то написать, но это уже будет лишним. И так получился слишком длинный монолог в ответ на твое письмо.

Ульяна

Она терпеливо ждала, не торопила, но протянулась неделя, другая, месяц... Каждый из прожитых тогда дней растянулся в вечность, резиновую, гуттаперчевую вечность, плавящуюся черной тягучей массой, отвратительной, липкой, вязкой... Старенький будильник, стоящий

на рабочем столе, противно отсчитывал минуты с громкой и размеренной торжественностью метронома. Она мечтала о возрождении, а вместо этого падала еще ниже, в очередной ад...

Дневник Ульяны

Трус! Слепец! Как он может так поступать?! Зачем тогда вообще начинал эту историю, если боится встречи и пятится как рак в свою нору? Бред, сумасшествие...

Сажу за компьютером и пытаюсь работать после его очередного вежливого письма-отказа-извинения, но глаза жжет обида, она сочится из слезных каналов, ядовитыми каплями стекает по щекам, горлу, сжимающемуся спазмами, противно соскальзывает в ложбинку между грудей...

Кровоточит внутри. Тошнота подкатывает к горлу так, что, кажется, вот-вот вырвет кровью и сердцем, его разорванными ошметками... Останками моих чудесных погибших бабочек.

Написать ему о том, что я чувствую, что так нельзя? Какую-нибудь по-юношески глупую фразу об ответе за тех, кого приручил? Нет, я уже столько писала, к чему? Это ничего не изменит.

Невыносимо. Я взрослая девочка, соберусь с силами, смогу нарастить новый непроницаемый панцирь на обнаженную, лишенную кожи плоть, содранную им с такой легкостью, будто это всего лишь луковая шелуха или сочно отрывающаяся от лакомых долек кожура мандарина. И тогда я вырвусь, наконец, из бесконечного «Дня Сурка», в который меня занесло по воле одного игруна-экспериментатора, заскучавшего в серости своих буден и решившегося безопасно поразвлечься при первом удобном случае.

Я просто имела неосторожность подлететь слишком близко к огню. Из глупого любопытства.

Меня трясло, и руки сами выводили безумные каракули на листе бумаги:

Дай мне палитру, я нарисую печаль рыбы с
разверстым брюхом,
открытым ртом, как издыхает молча – под треск
ножа,
блекло глядя на небо в просвет из туч,
тщетно, – там ока бога не может быть.

Я покажу, как страх улетает прочь, это когда
больше нет надежды
На жизнь, проблеск мгновенный знания своих
утрат
Стыдно теснится в памяти, словно хмель.
Выстоять можно, душу свою убив.

Я напишу про боль от любви моей, проданной за
присягу кому-то сверх,

Содранный нимб кровавый пущен в расход...
В руки иконку для отпущенья грехов.
Я родилась в воскресенье – мне снова жить...

Так уже бывало раньше, давным-давно, в прошлой жизни, я уже забыла когда... Предательство, боль, отчаяние, попытки собрать мои осколки и слепить себя заново... Именно в то время в первый раз появилась она – Коломбина, которая научилась прятать лицо за разнообразными масками, каждая – к своему театральному выходу в свет. Маски приличия, солидарности, спокойствия, рассудительности, благовоспитанности, дружеского участия, ответственного работника, примерной дочери, стервы ... стоит ли перечислять их?

Я осторожно высовывалась из-за них, чтобы тут же спрятаться или спрятать голову в песок. Быть Коломбиной очень удобно, всегда можно отшутиться (Ну, что вы, мол, от Коломбины еще ждали?).

Па в одну сторону, реверанс, па в другую сторону... реверанс... Па-де-де... Хотите, я сыграю с вами в бильярд? На раздевание или секс? Хотите, я сыграю с вами в любовь? Душу не поставлю, а тело вполне, почему бы и нет?! Я могу спасти бездомного котёнка и пройтись по вашим чувствам в модных туфлях с болезненно острыми шпильками, если умеючи наступать ими на грудь, живот, ставить каблук в опасной близости от промежности...

Не приближайтесь ко мне близко, я сама не знаю, кем буду через час, с каким лицом или маской проснусь завтра...

Я часто слышу, что женщина должна быть для мужчины загадкой, чтобы ему было интересно ее разгадывать. Я и есть эта загадка. Причем для самой себя тоже (Или нет, и я постоянно лгу даже себе?). Мне чудится, что я не искусственная, не фальшивая и не придуманная, не созданная имиджем стерва, не неприступная богемная красавица, а просто Коломбина, к которой приросли ее маски и которая прячет внутри хрупкую оплёванную душу, тот маленький росток, который не дотоптали когда-то другие добрые люди...

Я загадка, но это совершенно неинтересно, потому что разгадки ничего не несут (разве что доставят удовольствие психиатру или психотерапевту, успешно поставившему верный диагноз). Лучше общайтесь со мной, дружите – я не предаю, но, пожалуйста, не любите меня никогда. Я от этого с некоторых пор зверею...

Знаю всё, что вы мне скажете. Представляю, как с возгласом «Утю-тю, заигралась девочка» вы складываете пальцами козу и глупо хихикаете. «На здоровье, – отвечу вам, – но бережёного Бог бережет, а не бережёного... забирают демоны...»

Реальность заключается в том, что когда я родилась, по всему Подмоскovie горели торфяники и пылали леса. Быть может, поэтому у меня такая страсть к огню и к беспределу? И может, поэтому моя любовь тяжела и душна, как пропитанный гарью пожара воздух?..

Неужели я сама уничтожаю все, что люблю?... Это все же моя вина?... И тогда из-за меня ушли Глеб и Дмитрий? Что еще я наделала?

Ответь мне, мой безобидный возлюбленный...

Когда Уля поделилась своей историей с подругой, та вынесла однозначный вердикт: «Ты сошла с ума, а он просто козел». Раньше она бы согласилась, но тут, тут она даже не могла объяснить суть происходящего более-менее внятно.

Подруга, которую Уля с двумя общими подружками называли Кать-Коть (та просила звать ее Кэт, потом в шутку это перешло в Китти Кэт и, наконец, трансформировалось в Кать-Коть или просто Коть), взяла на себя добровольную ответственность матери-настоятельницы, заботящейся о не слишком разумных чадах. Небольшого росточка, пухленькая, слегка коренастая, она смешно семенила по жизни, перебирая ножками тридцать шестого размера подвернувшуюся поверхность, и раздавала указания. Казалось, она знала все обо всем. Какую болезнь и чем лечить, к какому доктору стоит сходить, где найти хорошего педагога по английскому, стоит ли заниматься йогой, где можно научиться управлять самолетом, какой горнолыжный курорт дешевле, а какой престижнее, за кого стоит голосовать на выборах и почему, как купить квартиру за границей и не прогадать, как быстро найти бригаду мастеров, чтобы недорого и качественно отремонтировать квартиру, какую гитару стоит приобрести ребенку и в чем ее отличие от профессиональных электрогитар и многое-многое другое...

Уля бы не удивилась, если бы та смогла поддерживать профессиональную беседу как со сталеваром, так и с ученым физиком-ядерщиком, с мастером спорта по дзюдо, с Далай-ламой, с юристом-международником и с кем угодно еще.

Если Коть забирала жертву в свои маленькие, но цепкие ручки, то уже не выпускала ее. Разжать стальные объятия было почти нереально. Она окутывала новую игрушку заботой, пестовала ее, холила и старалась сделать все возможное для ее блага, так как оно ей мыслилось. Оказываемое сопротивление ни к чему не приводило, если только жертва не умудрялась приложить титанические усилия и не сбегала, оставив в нежных пальчиках клочья разорванных отношений.

При этом Коть действительно была неплохим человеком, но уж слишком любила во все вмешиваться, особенно, если ей позволяли. Тогда она могла из лучших побуждений кое-что и напортить. Зная эту ее особенность, Уля, хоть и делилась с ней печальями и проблемами, предпочитала не знакомить со своими мужчинами.

Несколько лет назад Коть развелась с мужем и воспитывала ребенка одна, так и не найдя достойную замену. Ее романы, так или иначе, «сходили на нет», поскольку ее кавалеры обладали свободоустойчивым нравом и не терпели назойливую материнскую заботу.

Коть интересовалась деталями отношений подруги со Стасом и считала, что у нее явно не все дома, если она до сих пор в это играет.

– Тебе надо с ним поговорить, – отчитывала она Ульяну, – чего ты тянешь кота за хвост? Вы же взрослые люди. Встреться и поговори.

– Я хочу, но он все время отговаривается тем, что нет времени, – отвечала та.

– Надо настоять на встрече. Напиши ему. Или просто забудь, в конце концов... Всему тебя учить надо!

Учить Улю было не надо, но объяснить это Коть не представлялось возможным. Она подогревала Ульянину собственную накрученность, заставляя мучиться сомнениями и вопросами, на которые не было ответа. Многочисленные догадки и предположения роились в голове Ули, выстраивая там порой совершенно фантастичные теории, что изводило ее с каждым днем все сильнее. Самое страшное, что может случиться: страдать и плакать от бессилия, понимать

это и с болью осознавать, что ничего не можешь изменить, только прекратить быть униженным ничтожеством, покорно стоящим на коленях...

...И тогда, чтобы спасти ее от боли, она вернулась, заполнив Ульяну до краев – ее темная сторона. Его молчание, увиливающие ответы на письма, приходящие через несколько дней после отправки, не доставленные почему-то смс-ки – все складывалось в неестественную, фальшивую конструкцию, шатающуюся, эфемерную, грозящую рухнуть при первом дуновении ветра.

Еще одним брошенным в нее камнем стала его фраза о том, что напиваясь ее чувством, он и сам влюбляется, увлекаясь все больше. Нетерпеливое ожидание праздника сменилось горечью от балаганного представления, дешевого, рассчитанного на недалеких уличных зевак. Если сначала Ульяну привлекла в нем именно деликатность, романтические ухаживания без намека на пошловато-быстрый и недолгий секс, то последующая абсолютная физическая незаинтересованность в ней, как оказалось, уколола и оскорбила не меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.